

«НЕУЖЕЛИ ЖИВАЯ?»: ИСТОРИЯ ДЕВОЧКИ,

НАДЕЖДА ЗВЯГИНЦЕВА,
ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА И.Н. ЗОНОВОЙ

В Королёве проживают более 450 ветеранов Великой Отечественной войны, тружеников тыла, бывших несовершеннолетних узников фашизма, жителей блокадного Ленинграда. Ирина Николаевна Зонова — одна из них. Она родилась осенью 1941 года — в первые, самые тяжёлые месяцы осады северной столицы. Фашисты полностью отрезали город от основных источников продовольствия, постоянно обстреливали улицы. Ирина Николаевна Зонова рассказала, как её семья переживала эти суровые времена и заботилась о новорождённой малышке.

СМЕРТЬ — ПО ПЯТАМ

Ирина Николаевна Зонова родилась под «райскую музыку», так ленинградцы называли радиосигнал, который сообщал об отбое воздушной тревоги. Она попросилась на свет на неделю-полторы раньше положенного времени — её мама Ребекка Александровна Лазаренко, будучи на поздних сроках беременно-

БАБУШКА АЛЕКСАНДРА МОГЛА
ИЗ НИЧЕГО СВАРИТЬ ПОХЛЁБКУ

сти, носила на 7-й этаж мешки с песком. Жители осаждённого города затем использовали его для того, чтобы тушить «зажигалки» — зажигательные снаряды, которые фашисты сбрасывали на крыши домов.

Едва женщина оказалась в родильном доме, началась мощная бомбардировка. Медперсонал спустил пациенток в подвал. «Господи, врачи разбежались, а мне рожать надо!» — вспоминает Ирина Николаевна мамины рассказы. Только когда наступил отбой воздушной тревоги, в подвале появился врач, который помог малышке увидеть свет.

Во время налёта фашистской авиации одна из авиабомб попала в здание, расположенное напротив родильного дома. Взрыв был таким сильным, что родственники Ребекки Александровны были уверены: она и ребёнок, даже если успел родиться, погибли.

— Не иначе, боженька помог, и его ангелы-хранители меня уберегли, — говорит Ирина Николаевна.

Многие жители блокадного Ленинграда упоминают, что немцы даже к атакам на осаждённый город относились со свойственной им педантичностью. Они совершали авианалёты и обстреливали улицы с занятых ими Пулковских высот именно в тот момент, когда рабочие

спешили на смену или возвращались домой, дети выходили группами из школы или детского сада, словно у гитлеровцев существовало расписание — где и когда соберётся много людей.

В памяти Ирины Николаевны сохранился такой эпизод. Она уже подросла, но мама держала её на руках, когда стояла в очереди то ли за продук-

ПАПА И.Н. ЗОНОВОЙ — Н.Н. ЛАЗАРЕНКО

тами, то ли за талонами в «Пельменной» на углу проспектов 25-го Октября и Володарского (ныне — Невский и Литейный). Неожиданно немецкая артиллерия, которая располагалась на Пулковских высотах, открыла огонь. В Санкт-Петербурге на некоторых фа-садах до сих пор можно увидеть таблички: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Именно в таком месте находилась «Пельменная». К счастью, Ребекка Александровна быстро сориентировалась, когда началась атака. Не выпуская дочку из рук, она выбежала из здания и укрылась в телефонной будке на противоположной стороне улицы...

Секундой позже один из снарядов попал в «Пельменную».

— Мама закрыла мне лицо, чтобы я не видела, что стало с людьми, — вспоминает Ирина Николаевна. — Фашисты не смогли с ходу завладеть Ленинградом, поэтому старались уничтожить как можно больше ленинградцев.

До начала Великой Отечественной войны в северной столице проживали более 3 миллионов человек, после снятия блокады — 546 тысяч. Около двух миллионов ленинградцев были вывезены в эвакуацию, более миллиона — не пережили блокаду, длившуюся 872 дня. Самыми страшными стали первые месяцы. Катастрофически не хватало продовольствия, наступил коммунальный коллапс — не работали отопление, водопровод и электроснабжение, фашисты систематически атаковали Ленинград, люди, привыкшие к мирной жизни, испытывали невероятное нервное напряжение.

И.Н. ЗОНОВА, 1944 Г.

Следом пришла аномально холодная зима 1941—1942 годов. Жители осаждённого города теряли рассудок и умирали от голода, замерзали, погибали во время бомбёжек.

БОРОЛАСЬ ВСЯ СЕМЬЯ

Голод стал самым страшным испытанием для ленинградцев. Согласно документам, которые были представлены на Нюрнбергском процессе, он унёс жизни более 600 тысяч человек.

Ирина Николаевна вспоминает, что её мама была настолько истощена, что ей запретило кормить новорождённого ребёнка грудью: «Иначе умрёт обе», — сказал ей врач.

— За меня боролась вся моя семья. Сомневаюсь, что мама смогла бы меня сохранить, будь она одна. Взрослые работали и ежедневно получали пайки: бабушка Александра, дедушка Николай, папа Николай Николаевич Лазаренко, который оставался в Ленинграде, потому что возглавлял метеорологическую службу, и мама, которая позже даже получила медаль «За тру-

МАМА И.Н. ЗОНОВОЙ — Р.А. ЛАЗАРЕНКО

довую доблесть», — продолжает Ирина Николаевна. — Дедушка сделал печку-буржуйку, которая более-менее хорошо отапливала нашу комнату. Она и после войны у нас стояла, я прекрасно её помню. Бабушка контролировала наше питание. Она была малоежкой, поэтому ей было легче это делать. Да и характер у неё был сильный. Она из тех, кто в трудный момент не ноет, а группируется и сопротивляется. Бабушка не давала нам съедать всё сразу, делила еду между всеми членами семьи в течение дня, варила буквально из ничего какую-то похлёбку. Мне, как младенцу, выдавали молочную смесь. Но, видимо, этого было недостаточно, поэтому мама ходила на чёрный рынок и меняла талоны на молоко. Кроме того, бабушка доставала ещё бутылочку у знакомых. За ней ей приходилось ходить через весь Невский проспект на Васильевский остров. Она рассказывала, что как-то по дороге туда присела на скамеечку, чтобы отдохнуть, и в тот момент её сфотографировал корреспондент. Потом в одном из документальных фильмов о блокадном Ленинграде я видела эту фотографию... Первые месяцы осады, когда давали самый маленький паёк, мы пережили, конечно, с трудом и только благодаря тому, что мы были отличной командой.

Спасти родных, да и соседей по коммунальной квартире тоже, довелось как-то раз и малышке.